

Исторический роман французского писателя американского происхождения написан от лица протагониста - офицера СС Максимилиана Ауэ, одного из рядовых исполнителей нацистской программы «окончательного решения еврейского вопроса». Действие романа происходит на Восточном фронте (Украина, Крым, Северный Кавказ, Сталинград), в Польше, Германии и Франции. Роман был написан автором от руки в съемной квартире на Чистых Прудах. В 2006 роман получил Гонкуровскую премию и премию Французской Академии и стал европейским бестселлером.

Джонатан Литтелл
Благоволительницы

Памяти павших.

Перевод с французского Ирины Мельниковой под редакцией Марии Томашевской. Научный редактор перевода - Вольфганг Акунов Ad Marginem MMXI.

Шестого июля зондеркоманда, продвигаясь след в след за наступающей **6-й армией**, перебралась в Ровно, потом в короткие сроки в **Звягель**, который большевики называли **Новоград-Волинский**.

На каждом этапе штаб откомандировывал отряд для выявления, задержания и уничтожения потенциального врага. В основном дело касалось **евреев, но мы расстреливали и комиссаров, и членов партии большевиков**, если таковые попадались, и **воров, и мародеров, и крестьян, прятавших зерно, а также цыган** - Бек был бы доволен.

Фон Радецкий объяснил, что нам не следует забывать об объективной опасности: разоблачать каждого подозреваемого по отдельности - невыполнимая задача, надо выявлять социально-политические признаки всех, кто способен нам навредить, и принимать соответствующие меры.

В Лемберге новый начальник гарнизона генерал Ренц постепенно восстановил порядок и прекратил бесчинства; с тех пор **6-я**, а затем сменившая ее **5-я айнзатцкоманда расстреливала сотни задержанных** за городом. У нас начались проблемы с украинцами. Девятого июля короткий эксперимент с независимостью резко закончился: СП арестовала и под конвоем отправила в Краков Бандеру и Стецько и обезоружила их людей.

Тогда же взбунтовалась и ОУН-Б; в Дрогобыче они открыли огонь по нашим солдатам и убили множество немцев. После этого партизаны-бандеровцы тоже стали представлять объективную опасность; обрадованные соратники Мельника помогли нам их отлавливать и взяли под контроль местные органы управления.

Одиннадцатого июля группенштаб, которому мы подчинялись, соединившись со штабом, входившим в состав военных объединений «Центр», поменял наименование: теперь наша **айнзатцгруппа** называлась **«Ц»**; в тот же день три наших «опель-адмирала» въехали в Житомир **с танками 6-й армии**. Несколькими днями позже туда направили и меня для укрепления форкоманды, пока не подтянется оставшаяся часть штаба командования.

После **Звягеля** пейзажи совершенно изменились. Теперь перед нами простиралась украинская степь, необозримое, волнующееся на ветру

пространство, занятое посевами. На пшеничных полях уже отцвели маки, ячмень и рожь дозревали, бесконечными километрами тянулись подсолнухи, поворачивающие за солнцем свои золотые короны.

Бесконечную, однообразную картину нарушали разбросанные то тут, то там, словно случайно, хаты, утопающие в тени акаций или кленов, ясеней, дубовых рощиц. Вдоль дорог росли липы, по берегам рек - ивы и осины, бульвары в городах были обсажены каштанами.

Наши карты никуда не годились: указанные на них дороги не существовали вовсе или давно пришли в негодность; и наоборот - там, где на картах значилась дикая степь, наши патрули обнаруживали колхозы, огромные поля хлопка, арбузов, свеклы; крошечные населенные пункты оказывались развитыми промышленными центрами.

Если Галиция досталась нам, можно сказать, в целостности и сохранности, то здесь Красная Армия, отступая, методично уничтожала то, что могла. Деревни и посева горели, мы натыкались на взорванные или заваленные колодцы, заминированные дороги, здания, начиненные взрывчаткой; в колхозах остались женщины, скот, птица, но мужчины и лошади исчезли; в Житомире они сожгли все, что успели, к счастью, среди дымящихся руин возвышалось достаточно много уцелевших домов.

Город находился под контролем венгров, Кальсен кипел от гнева: «Их офицеры вполне благожелательно относились к евреям, даже ужинали у них!» Бор, другой офицер, добавлял: «Похоже, некоторые из этих офицеров сами евреи. Вы понимаете? Союзники Германии! Да я им руки не подам».

Жители встретили нас хорошо, но сетовали на вторжение венгерских частей - гонведа на украинскую территорию: «Немцы - наши давние друзья, - говорили они, - а мадьяры только и мечтают нас захватить». Подобные вспышки недовольства ежедневно оборачивались мелкими неприятностями.

Группа саперов убила двух венгров, пришлось отправлять кого-то из наших генералов приносить извинения. С другой стороны, гонвед блокировал работу наших полицейских, форкоманда через группенштаб подала жалобу в Верховное командование группы армий «Юг». Наконец, пятнадцатого июля венгров отозвали, АОК 6 и следовавшие за ним наше подразделение и весь группенштаб «Ц» заняли Житомир.

Между тем меня как связного офицера отослали в **Звягель**. За каждой **тайлькомандой**, подчинявшейся Кальсену, Гансу и Янсену, закрепили сектор действий, **они лучами расходились в разных направлениях почти до самого фронта, достигая Киева; на юге наша зона пересекалась с зоной 5-й айнзатцкоманды**, и надо было скоординировать наши действия, потому что каждое подразделение тайлькоманды функционировало самостоятельно. Вот почему мы с Янсеном оказались между **Звягелем** и Ровно, на границе Галиции.

Короткие летние грозы все чаще оборачивались затяжными дождями, превращающими лёссовую пыль, легкую, как мука, в липкую жижу, жирную, черную, на местном наречии ее называли буна. В результате образовывались огромные болотистые участки, где медленно разлагались трупы людей и лошадей, брошенные на полях сражений.

Солдаты страдали непрекращающейся диареей, заражались вшами; даже грузовики увязали в этой грязи, продолжать движение становилось все труднее. Мы вербовали украинских пособников, и наши солдаты, служившие раньше в Африке, окрестили их **аскарисами**; им платили через местные муниципалитеты и еще тем, что конфисковали у евреев.

Большинство из них были бульбовцами (по имени их героя Тараса Бульбы), теми самыми волынскими экстремистами, о которых рассказывал Оберлендер.

После ликвидации ОУН-Б им предложили выбор: немецкая униформа или лагерь; большинству из них удалось раствориться среди местного населения, но некоторые пришли наниматься к нам.

Зато дальше на север, между Пинском, Мозырем и Олевском, вермахт разрешил провозглашение «украинской республики» **«Полесская Сечь»** во главе с неким **Тарасом Боровцом**, взявшим себе псевдоним «Бульба», ему в свое время принадлежал карьер в Костополе, национализированный большевиками.

Боровец преследовал разобщенные отряды Красной Армии и польских партизан, обеспечивая нашим войскам свободное продвижение, взамен мы его не трогали; но айнзатцгруппа опасалась, что Боровец покрывает враждебные элементы ОУН-Б (ОУН-бандеровцев), в шутку мы их звали «ОУН-большевики» в противоположность «меньшевикам» Мельника (ОУН-М).

Еще мы вербовали фольксдойче из местных общин, чтобы они служили бургомистрами или полицейскими. Почти повсеместно евреев сгоняли на принудительные работы, а тех, кто не работал, расстреливали.

Но на украинской стороне Збруча наши действия зачастую оказывались неэффективными из-за безразличия населения, не выдававшего евреев: те сразу воспользовались ситуацией, нелегально переезжали в северные области и прятались в лесах. Бригадфюрер Раш как-то перед казнью приказал евреям маршировать строем перед толпой, чтобы развеять сложившийся у украинских крестьян миф о политическом могуществе жидов.

Но такие меры особого успеха не имели. Однажды утром Янсен предложил мне присутствовать на операции. Я знал, что рано или поздно подобное случится, и много об этом размышлял. Могу сказать со всей искренностью, что наши методы вызывали у меня недоумение: их логику я понимал плохо.

Я говорил с заключенными евреями, заверявшими меня, что для них издавна зло шло с востока, а добро с запада; в 1918-м они принимали наших солдат как освободителей и спасителей, те в свою очередь вели себя очень гуманно; после ухода немцев вернулись украинцы-петлюровцы и принялись снова убивать евреев. Большевицкая власть морила народ голодом. Теперь убиваем мы.

Действительно, тут не поспоришь, убивали мы много. Я считал происходящее большой бедой, даже если оно и было неизбежно и необходимо. Но беде надо уметь противостоять; надо быть готовым лицом к лицу встретить неизбежность и необходимость и потом еще принять все вытекающие из них последствия; закрывать на них глаза - значит никогда не найти ответа.

Я принял приглашение Янсена. Операцией руководил **унтерштурмфюрер Нагель**, его помощник, с которым мы вместе выехали из **Звягеля**. Накануне прошел дождь, но дороги не развезло, мы потихоньку двигались между двумя высокими, залитыми светом стенами деревьев, закрывавших от нас поля.

Городишко, я забыл его название, находился на берегу широкой реки, совсем недалеко от бывшей советской границы; население было смешанное, в одной стороне жили крестьяне-галичане, в другой - евреи. К нашему

приезду уже развернули оцепление. Нагель показал мне лес за городком: «Там все и происходит». Он, похоже, нервничал, дергался, наверное, тоже никого еще не убивал.

Наши аскарисы собирали евреев, и старых, и молодых, на центральной площади; гнали их маленькими группками с еврейских улочек, иногда били, потом заставляли садиться на корточки и ждать под охраной военной полиции.

Группки сопровождали несколько немцев, один из них, **Гнаук**, подгонял евреев, стегая их плетью. Если бы не крики, то все казалось бы относительно спокойным и упорядоченным. Зевак разогнали; время от времени какой-нибудь ребенок выбегал на угол площади посмотреть на сидящих на корточках евреев и тут же исчезал.

«Я думаю, понадобится еще с полчаса», - сказал Нагель. «Могу я пройти?» - спросил я. «Да, конечно. Но возьмите с собой хотя бы вашего ординарца». Он имел в виду Поппа, который с Лемберга со мной не разлучался, заботился о жилье, варил кофе, чистил сапоги и стирал форму; его не приходилось даже ни о чем просить.

Я направился мимо маленьких галицийских ферм к реке; Попп с винтовкой на плече следовал в нескольких шагах за мной. Дома были длинные, низкие, двери плотно закрыты, и кругом ни души. Перед деревянными воротами, окрашенными в грязно-голубой цвет, оглушительно гогоча, топтались гуси, штук тридцать, наверное. Я миновал последние дома и спустился к реке, но берега размыло, пришлось подняться повыше; вдалеке я заметил лес. В воздухе раздавалось пронзительное, надоедливое кваканье разморенных жарой лягушек.

Выше, в размокшем поле, среди луж, в которых отражалось солнце, около дюжины жирных гусей гордо вышагивали друг за другом, за ними двигался какой-то перепуганный теленок. Мне уже приходилось видеть украинские городишки, по сравнению с этим они были нищими и убогими; я стал опасаться, как бы в теориях Оберлендера не образовалась серьезная брешь.

Я повернул обратно. Перед голубыми воротами все так же терпеливо стояли гуси и смотрели на корову, ее глаза, сплошь облепленные мухами, сильно слезились. На площади аскарисы криками и ударами шомполов